

Туманные души

Олеся Павлова

Разломы

Олеся Павлова

Туманные души

«Автор»

2026

Павлова О.

Туманные души / О. Павлова — «Автор», 2026 — (Разломы)

Озеро Берестовое. Местные называют его «Туманной усадьбой», хотя никакой усадьбы там нет. Но каждый, кто приближается к воде, видит своё: старый финский дом, деревню, церковь или просто сгусток тумана, в котором движутся тени. Те, кто пытается подойти ближе, исчезают. А те, кто возвращаются, уже никогда не становятся прежними. Команда Глеба Ершова знает об аномалиях не понаслышке. Они пережили «Белый Мыс» и заплатили за это страшную цену. Теперь им предстоит новое дело: на Берестовом пропадают люди, и Соколов просит их вмешаться. Но у каждого из команды есть и личная причина ехать. Ульяна ищет мать, исчезнувшую в этих местах много лет назад. Артём — следы сестры. Остальные — ответы на вопросы, которые не дают покоя. Что они увидят, когда туман расступится? И чем заплатят за это?

© Павлова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	25
Гл	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Олеся Павлова

Туманные души

Пролог

Август 2023 года. Озеро Берестовое.

Артур понял, что они здесь одни, ещё до того, как заглушил двигатель. На подъезде к озеру исчезли машины, те, что попадались им у южной оконечности, а вместе с ними исчезли и люди. Берег был пуст: ни палаток, ни мангалов, ни единой примятой травинки. Семьдесят километров от города, популярное место, если верить форумам, а здесь, на северном берегу, стояла такая тишина, что звенело в ушах.

Он выбрался из машины и подошёл к обрыву. Внизу лежала чёрная вода, гладкая, без единой морщинки, хотя день был ясным и солнце стояло высоко. Над дальним берегом висел туман, не дымка и не лёгкая пелена, а плотная, белёсая стена от края до края, и внутри что-то мерцало.

Кристина вылезла следом, хлопнула дверцей и подошла к нему.

— Артур, скажи честно, ты вообще видишь тот берег? Потому что у меня ощущение, что мы приехали в декорацию к фильму ужасов, а не на озеро из твоей карты.

— Я вижу берег, — отозвался Артур. — И усадьбу тоже видел бы, если бы туман расступился.

— Если бы, — Кристина обернулась к Максусу. — Дорогой, напомни, зачем мы опять купились на «Артур сказал, там интересно»?

— Потому что в городе душно, а тут воздух свежий, — Макс вытащил рюкзак из багажника и захлопнул дверцу. — Ну и металлоискатель у тебя тоже есть, не только у Артура.

— Мой металлоискатель хотя бы не требует от меня веры в чудеса. Ему всё равно, усадьба там или нет, он на гвоздь пискнет и рад.

Артур не ответил. Он смотрел на туман, который не плыл, не клубился, не таял на солнце, просто стоял, и в его неподвижности было что-то неправильное, отчего волосы на затылке начинали шевелиться.

— Артур? — Аня подошла и встала рядом. Она единственная не шутила. — Ты чего замер?

— Смотри, — сказал он.

Туман дрогнул. Ветра не было, ни одна ветка не шевельнулась, но пелена на несколько секунд истончилась, и на том берегу проступил тёмный силуэт. Приземистое здание с высокой печной трубой, стенами из серых, потемневших от времени брёвен и тёмными провалами окон.

— Ничего себе, — выдохнул Макс.

Артур схватился за телефон и навёл камеру, но экран показал серую муть. Он опустил телефон, и усадьба была видна отчётливо, в каждой детали. Поднял снова, и опять муть. Аня попробовала свой, то же самое, камера не брала усадьбу.

— Может, расстояние слишком большое? — неуверенно предположила она. — Или свет так падает.

— Вряд ли свет, — ответил Артур. — Но завтра подойдём ближе и проверим.

Никто не спорил. Идти до того берега было минут тридцать, но предложение двинуться сразу же и прямо сейчас не прозвучало. Оно просто исчезло, растворилось, как утренний туман, оставив после себя только смутное, вязкое нежелание что-либо менять. Вместо этого

захотелось развести костёр, достать припасы, заняться чем-то простым и понятным - всем, что угодно, лишь бы не приближаться к усадьбе.

Они выбрали место для лагеря на небольшой ровной площадке у самой воды и начали ставить палатки. Артур, забивая колышек в холодную, неподатливую землю, поймал себя на мысли, что место это какое-то уж слишком нетронутое. Ни старого кострища, ни забытой пластиковой бутылки, ни примятой травы — ничего, что обычно выдаёт присутствие человека. Либо здесь действительно годами никто не бывал, либо кто-то тщательно убрал все следы. Последняя мысль неприятно царапнула, и он поспешил отогнать её.

Через час, когда солнце опустилось ниже и воздух стал прозрачным и холодным, они сидели у костра. Макс, как обычно, взял на себя роль рассказчика и вспоминал, как однажды они с Артуром, ещё студентами, отправились в поход без карты и заблудились настолько, что вышли к одной и той же деревне дважды за день. Кристина вставляла колкие комментарии, отпуская шпильки то в адрес своего парня, то в адрес Артура, который слушал рассеянно и не реагировал. Аня молча смотрела на огонь. Один раз она подняла глаза на тот берег и долго вглядывалась в темноту, но, когда Артур спросил, что случилось, только покачала головой: «Ничего. Показалось».

Костер догорал, и вместе с его угасающим теплом разговоры стихли сами собой. Артур поднялся, молча залил костёр, движение это вышло смазанным, лишенным обычной его собранности. Все вдруг почувствовали, что страшно устали. Идея идти спать казалась единственно верной и естественной, и Аня поддалась ей без сопротивления. Она не заметила, как оказалась в палатке и как натянула спальник до подбородка, запомнила только холодную ткань под щекой и мерное дыхание Артура рядом. А потом её накрыло глухой, ватной апатией, которая быстро утянула её на дно сна.

Ночью Аня проснулась от холода, который поднимался изнутри, из глубины живота, и растекался по телу густой, ледяной волной, словно кровь в жилах медленно остывала. Рядом ровно и спокойно дышал Артур, и ей вдруг захотелось растолкать его, чтобы он тоже проснулся, чтобы этот холод стал общим, чтобы не одной было так страшно. Вместо этого она вылезла из палатки и пошла босиком по мокрой траве. Земля обожгла ступни резким, отрезвляющим холодом, и Аня замерла на мгновение, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, мысли путались. Она не понимала, зачем идёт, знала только, что должна, что её уже ждут. Мокрая трава хлестала по щиколоткам, каждый шаг отдавался в позвоночнике обжигающей дрожью, а в груди билась мысль: «Надо вернуться». Тело не слушалось. Её ждали с той же неотвратимостью, с какой Артур сейчас спал и не мог проснуться.

Туман подступил к самому лагерю и лежал над землёй плотной пеленой, скрадывая очертания деревьев и соседней палатки. Впереди, у кромки, вода была чёрной, гладкой, как стекло. Она сделала шаг, и ледяная вода сомкнулась вокруг ступней, обожгла так, что перехватило дыхание. Аня замерла, тяжело дыша, чувствуя, как немеют пальцы ног. Потом ещё шаг, вода дошла до колен, холод стал глубже, он уже не обжигал, а сковывал, и каждый шаг давался с трудом. Она попыталась повернуть обратно, когда что-то коснулось её ноги под водой. Аня застыла, сердце пропустило удар и забилось где-то в горле.

Опустив взгляд, Аня увидела прямо под поверхностью, в нескольких сантиметрах от себя, белеющее лицо с открытыми глазами и синими, плотно сжатыми губами. Вскрикнув, она попыталась отшатнуться, но ноги не слушались, а вода держала и не отпускала. Рванувшись изо всех сил, Аня поскользнулась на гальке и, едва не упав, выскочила на берег. Сердце колотилось где-то в горле, мокрые ступни дрожали на холодных камнях. А потом вокруг этого лица начали проступать другие — медленно, беззвучно, одно за другим. Из чёрной воды поднимались мокрые волосы, бледные щёки, плечи, и вскоре их стало много. Они появлялись без единого всплеска, и тишина от этого казалась ещё глубже. Холод поднимался от ног к животу, к горлу, сковывая всё тело. Аня открыла рот, чтобы закричать, и не услышала собственного

голоса — только тишина и фигуры, которые медленно поднимались из озера, пристально глядя глазами, полными тумана.

А потом одна из них, женщина в платье с высоким воротом, сделала шаг вперёд, и вода расступилась с тихим, влажным звуком. Босая ступня показалась над поверхностью, бледная, гладкая, словно фарфоровая. Ещё шаг, ещё, и женщина выходила на берег, с каждым шагом её тело открывалось из воды, а платье облепило бёдра, колени, голени. От него шёл пар, но не как от тёплого тела на холоде, а наоборот, холод был настолько сильным, что воздух вокруг сгущался. Женщина остановилась в нескольких шагах от Ани, и та почувствовала этот холод, он коснулся лица, как открытая дверь морозильной камеры.

За ней двинулись остальные, безмолвно, без единого всплеска они покидали озеро, их движения были плавными, нечеловечески плавными. Они вставали полукругом на берегу, и Аня перестала видеть озеро за их спинами, только фигуры, мокрые, бледные, с глазами, полными тумана. Холод, который они излучали, был таким сильным, что у Ани начали неметь щёки и пальцы рук. Она видела, как её дыхание превращается в облачка пара, но собственного дыхания не слышала.

Женщина в платье открыла рот. Губ почти не было видно, так бледна была кожа. Рот открылся медленно, как трещина в старой чашке, и внутри не было темноты, только туман. Тот же самый туман, что клубился в её глазах, теперь выходил изнутри, струился тонкой белёсой нитью и тянулся к Ане, двигаясь как живое существо, извиваясь, вытягиваясь к её лицу. Аня чувствовала его запах, сладковатый, приторный, как сухие цветы, забытые между страниц старой книги.

Она попятилась, ноги наконец послушались, она отшатнулась, споткнулась, едва не упала, и в этот миг кто-то схватил её за плечо и рванул назад.

— Аня!

Артур стоял над ней, босой, в одном свитере, с белым, перекошенным лицом, тяжело дышал и смотрел в озеро. Аня не обернулась: она знала, что они там, знала, что они смотрят, чувствовала их взгляды спиной как холод, как давление, как беззвучный зов. И хуже всего было другое, она помнила, как шла к ним, не хотела, но шла, тело не слушалось. Её затрясло, зубы застучали, и она прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать.

— Артур... — голос сорвался на шёпот. — Я... я не могла остановиться...

— Они ушли, — сказал он.

Аня обернулась, озеро было пустым, только туман висел над чёрной водой, а на мокрой гальке темнели следы. Артур схватил её за руку и потянул прочь от воды. Она не сопротивлялась, ноги всё ещё дрожали, и единственное, чего ей хотелось, это бежать отсюда как можно дальше.

— Макс! Кристина!

Аргут колотил по брезенту соседней палатки, пока внутри не завозились, и в проёме показалось заспанное лицо Макса.

— Вы чего? Пожар?

— Там люди, — выпалила Аня срывающимся голосом. — В озере. Мы видели. Нам надо уезжать прямо сейчас.

— Какие люди? — Макс выбрался наружу и помог вылезти Кристине. — Вы о чём?

— В озере, — повторила Аня, чувствуя, как её трясёт. — Мы видели. Нам надо уезжать прямо сейчас.

Макс перевёл взгляд с неё на Артура и обратно. Кристина, кутаясь в спальник, посмотрела на озеро. Туман. Только туман.

— Там ничего нет, — сказала она. — Вода и туман.

— Они только что были там! — Аня чувствовала, как её трясёт, как слёзы текут по щекам. — Я не сошла с ума! Я шла к ним. Я не хотела, но шла. Я не могла остановиться. Они звали меня...

Она осеклась, потому что вдруг поняла, что не может описать их. Только что она видела каждую деталь, а теперь всё это уплывало, как туман на рассвете. Оставалась только уверенность, что там кто-то был. Но кто?

— Ладно, — сказал Макс. — Давайте утром разберёмся. Сейчас всё равно темно, ничего не видно. Если хотите, уедем на рассвете.

Аня хотела возразить, но не смогла. Её всё ещё трясло, и она вцепилась в руку Артура, не в силах вымолвить ни слова. Макс и Кристина переглянулись.

— Ладно, — сказал Макс. — Давайте утром разберёмся. Если хотите, уедем на рассвете.

— Ты не понимаешь, — выдохнула Аня. — Они были там. Я видела их. Артур видел.

— Я ничего не видел, — тихо сказал Макс. — И Кристина не видела. Может, вам показалось?

— Не показалось, — Артур мотнул головой. — Я своими глазами...

Он осёкся, потому что вдруг понял, что не может описать увиденное. Фигуры, лица, мокрая одежда — всё это ускользало, как будто кто-то стирал воспоминания прямо у него в голове. Секунду назад он помнил каждую деталь, а теперь остался только холод и ужас в глазах Ани. И даже этот ужас уже казался далёким, словно приснившимся.

— Ладно, — повторил Макс. — Вы замёрзли, перенервничали. Давайте спать. Утром решим.

Аня хотела спорить, но холод уже отступал, и страх, только что державший её мёртвой хваткой, начал слабеть, затягиваться пеленой; как если бы туман, который только что стоял над озером, теперь проник внутрь неё и гасил всё: и ужас, и решимость, и желание бежать. Артур чувствовал то же самое. Он смотрел на свои руки, которые только что держали Аню за плечи, и не мог вспомнить, почему это было так важно. Что-то случилось. Что-то страшное. Но что именно?

Он взял её за руку и молча повёл к палатке. Аня шла, не сопротивляясь, то и дело спотыкаясь и прижимаясь к его плечу. Внутри он уложил её в спальник, накрыл второй кофтой и сел рядом. Она смотрела на него расширенными, всё ещё испуганными глазами.

— Ты веришь мне? — спросила она.

— Я их видел, — сказал он. — Своими глазами.

— Почему они не видели?

Он не ответил, но Аня поняла по его лицу, что он не знает. И от этого было ещё страшнее.

Проснулась она поздно. Солнце уже стояло высоко, и сквозь ткань палатки пробивался тёплый свет. Ночной страх казался размытым, далёким, словно кто-то заботливо вынул из него самые острые детали. Аня выбралась наружу и зажмурилась от яркого света. У костра уже сидели Макс и Кристина. Артур возился с металлоискателем, менял батарейку. Всё было обычным, мирным, правильным.

Кристина протянула ей кружку с чаем.

— Тебе приснилось, — сказала она без всякого перехода. — У страха глаза велики.

Аня взяла кружку и не ответила. Она уже не была уверена.

Усадьба снова стояла на том берегу, чёткая, ясная в утреннем свете. Артур смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Теперь она казалась ему не находкой, а предупреждением.

— Сегодня точно идём, — сказал он. — Сразу после завтрака.

— Конечно, — кивнула Аня.

Они позавтракали, но к усадьбе не пошли: Макс предложил пройтись вдоль берега, Кристина захотела искупаться. Одно дело сменяло другое, и к вечеру они так и не сходили.

— Завтра точно, — сказал Артур.

В ту ночь холод снова разбудил её, но теперь он был другим — не резким и чужим, а тягучим, знакомым, словно она просыпалась не в палатке, а у себя дома, и кто-то родной звал её из соседней комнаты. Она открыла глаза и полежала немного, прислушиваясь к ровному дыханию Артура. Страх не было, только странное, почти радостное предчувствие. Она вылезла из спальника и босиком вышла наружу. Трава под ногами была влажной и прохладной, но холод больше не кусал ступни, он мягко обволакивал их, словно уговаривая идти дальше. Туман лежал у самой земли, густой и неподвижный, и расступался перед ней, открывая узкий коридор к воде.

Она пошла. Каждый шаг давался легко, казалось, что кто-то вёл её за руку. На краю сознания колыхнулась мысль об Артуре, но тут же погасла, растворилась в молочной белизне. Всё, что осталось — это мягкий свет впереди и тихий голос, который она не слышала, но чувствовала кожей: «Иди сюда. Мы ждали тебя».

Вода коснулась пальцев ног уже не ледяная, а приятно прохладная, как в тёплый летний день. Аня не остановилась. Она вошла в озеро медленно, без брызг, словно всю жизнь знала этот путь. Вода поднялась до щиколоток, до колен, до бёдер, но холода не было. Только покой, только уверенность, что там, впереди, в разрывах тумана, уже виднеются очертания старой финской усадьбы и светятся окна, а в окнах кто-то стоит. Кто-то, кто обещал ей то, чего она всегда хотела. Она улыбнулась и сделала ещё шаг. Туман сомкнулся за её спиной, стирая берег, палатки, спящего Артура. Обратных следов на гальке не осталось.

Туман ещё долго стоял над озером, плотный и неподвижный, а потом начал рассеиваться, медленно, неохотно, впитывая в себя остатки ночи. К тому времени, когда над лесом показалось солнце, от него не осталось и следа. Вода снова стала гладкой и чёрной, берег пустым. Только цепочка босых следов на мокром песке вела от палатки к кромке и обрывалась у воды.

Артур проснулся от холода. Спальник сбился, и утренняя сырость пробралась внутрь палатки, оседая на лице мелкой водяной пылью. Потянувшись к Ане, чтобы прижать её к себе и согреться, он наткнулся пальцами на холодную, гладкую ткань пустого спальника. В палатке было тихо и пусто. Сонный, ещё не понимающий причину тревоги, он выбежал из палатки.

Снаружи, у самой кромки, темнела цепочка босых следов. Они вели от палатки прямо в воду и обрывались там, где начиналась чёрная гладь. Всё, что скрывала в голове вязкая, туманная завеса, рухнуло разом. Первая ночь, фигуры, поднимающиеся из воды, Аня, которую он вытащил за плечи в последний миг. Её голос, сорванный до шёпота: «Я не могла остановиться». Решение уехать на рассвете. То, как накрыл её второй кофтой и поцеловал в висок, пообещав, что всё будет хорошо. Наступившее утро, растворившиеся в вязком безразличии и оставившее только желание сидеть у костра и никуда не торопиться. Всё это пронеслось в голове за несколько секунд, и вместе с воспоминаниями пришло понимание: он сам уложил её обратно в палатку в десяти метрах от воды и заснул, уверенный, что всё в порядке. А она встала и ушла, а он даже не пошевелился. Крик вырвался сам собой, и Артур бросился в воду, не чувствуя холода, не слыша собственного голоса.

Через несколько часов на берегу работали МЧС и полиция. Водолазы прочесали дно и не нашли ничего. Артур сидел на гальке, закутанный в одеяло, и повторял одно и то же: «Я видел. Мы все видели». Макс и Кристина стояли поодаль. Когда полицейский спросил их об усадьбе, оба покачали головами. Они не лгали, они действительно не помнили.

Ближе к вечеру к Артуру подошёл немолодой, спокойный мужчина, с блокнотом в руке.
— Соколов, — представился он. — Расскажите, что здесь случилось.

Артур рассказал. Про карту, про усадьбу, про фигуры в озере, про то, как Аня шла к ним, а он не успел. Соколов слушал, изредка делая пометки в блокноте.

— Вы сами их видели? — спросил он, когда Артур дошёл до фигур в озере.

— Да, так же ясно, как вас сейчас. И Аня видела. В первую ночь я успел её остановить, а во вторую — нет.

Соколов перелистнул страницу.

— Макс и Кристина говорят, что никакой усадьбы не было, — сказал Артур. — Но мы все её видели в первый день. Я не знаю, верю ли я им.

— Они не лгут. Просто они запомнили другое. Это место по-разному работает с людьми. Кому-то оставляет дом, кому-то деревню, кому-то вообще ничего. Вы не сумасшедший, Артур. Вы просто запомнили то, что аномалия позволила вам запомнить.

— Вы верите мне?

Соколов убрал блокнот в карман.

— Я верю, что вы это видели. И я найду людей, которые смогут объяснить, что именно.

Он поднялся, кивнул на прощание и пошёл к своей машине. Артур остался на берегу. На том берегу, где ещё вчера стояла усадьба, теперь был только лес. Озеро молчало. Туман не возвращался.

Глава 1

Сентябрь 2024 года. Санкт-Петербург, издательство «Ершов и Ко»

Глеб сидел в своём кабинете и смотрел, как дождь размывает город за окном. Морось была мелкой, словно невесомая водяная пыль, висящая в воздухе. В такие вечера Петербург становился призраком самого себя: огни проспекта расплывались в жёлтые кляксы, шпиль Петропавловки исчезал в серой вате, и только редкие прохожие, сгорбившись под зонтами, напоминали, что город ещё жив.

Телефон лежал на столе экраном вверх. Приложение «Слух» переводило шум дождя в бегущую строку — бессмысленный набор слогов, в котором иногда проскальзывало что-то похожее на слова. «Ш-ш-ш... ждать... ш-ш-ш... да». Глеб машинально глянул на экран и усмехнулся. Три месяца назад он бы выключил приложение. Теперь оставлял, пусть болтает. В тишине, которая поселилась в его голове после «Белого Мыса», даже этот механический бред был компанией.

Плата камню осталась при нём, он больше не различал слов. Слышал звуки, интонации, шум дождя, шаги в коридоре, но человеческая речь рассыпалась на фонемы, которые отказывались складываться в смысл. Врачи развели руками. Ивар сказал: «Бывает и хуже». Ульяна молча установила ему «Слух» и велела не ныть. Он и не ныл.

Он потянулся к стопке рукописей, скопившихся за неделю, но не успел открыть верхнюю. В коридоре раздались тяжёлые, размеренные шаги, с той особой одышкой, которую Глеб узнал бы из тысячи. Соколов никогда не звонил заранее. Он просто приходил, когда считал нужным, и каждый его визит означал, что у кого-то или у чего-то сдали нервы.

Дверь открылась без стука. Соколов вошёл, стряхнул с плаща водяную пыль и сел напротив. Плащ он не снял, просто расстегнул верхнюю пуговицу и опустил в кресло, как человек, который не рассчитывает задержаться надолго. В руках у него была тонкая папка, значительно тоньше той, что он привозил в августе. Это означало, что материалов мало, но все они по делу.

Глеб взял телефон и включил субтитры.

— На Берестовом за последние полгода пропали ещё двое, — начал Соколов без предисловий. Его голос звучал сухо, почти устало, но Глеб уловил в нём что-то новое — мрачную сосредоточенность. — Раньше туман не выходил за пределы низины. Теперь поднимается выше. Если так пойдёт, к зиме он накроет всю гряду.

Он достал из папки снимки и разложил их на столе. Глеб придвинул ближний. Съёмка была свежей, не старше недели: тёмное пятно озера, а вокруг него расплылась белёсая кайма, гораздо шире, чем на тех снимках, что Соколов привозил в августе. Туман расплзся вдоль береговой линии и теперь захватывал участок леса, которого раньше не касался. Глеб сравнил два снимка — старый и новый — и почувствовал, как внутри затягивается знакомый узел, тот самый, что предшествовал каждому их выезду.

— Я не могу приказать вам ехать, — продолжал Соколов. — Но сентябрь — хорошее время. Дороги ещё проходимы, ночи уже тёмные. Вы успеете до холодов. Если вообще можно успеть.

— Вы поэтому приехали? Поторопить нас? — Глеб набрал вопрос, и механический голос произнёс его ровно, без интонаций.

— В том числе. — Соколов помедлил, и его пальцы легли на папку с той осторожностью, с какой касаются старых ветхих документов, готовых рассыпаться от неловкого движения. — Но не только. Вот, нашли в архиве. Дневник Кристиана Линдхольма, тысяча восемьсот тридцать второй год. Он побывал на Берестовом и вёл записи в две колонки.

Он развязал тесёмки и выложил на стол несколько листов ксерокопий, но даже сквозь копировальный слой было видно, как пожелтела и пошла трещинами бумага. Страницы были расчерчены надвое. Слева — убористый, почти бухгалтерский почерк. Справа — другой, более живой, с наклоном вправо и завитками на заглавных буквах. Как будто два разных человека сидели за одним столом и писали, не глядя друг на друга.

Глеб пробежал глазами по правой колонке:

«Элин сегодня смеялась, когда я пытался шутить по-фински. Аксель прислал письмо из Уппсалы — пишет, что экзамены сдал лучшие всех на курсе. Офицер, что служит в Выборге, просил руки Ингрид. Я дал согласие. Когда сказал ей, она засмеялась и обняла меня. От неё пахло липой».

— Кто эти люди? — спросил Глеб. Телефон озвучил вопрос, но Соколов, казалось, ждал его.

— Жена и дети, которых у него не было. — Он помолчал, потом добавил тише: — Я прочитал всё. Он описывает тридцать лет жизни. Тридцать. Дети родились, выросли, женились, внуки появились. А в левой колонке за те же даты — ни слова о семье, только хозяйство: осушение, счета, цены на зерно.

Глеб перелистнул страницу. В самом низу, почти у края, дрожащей рукой было приписано:

«Когда я останавливаюсь, мне кажется, что всё это сон. И я проснусь один в пустом доме, где нет никого, кроме меня. Я боюсь останавливаться. Я боюсь просыпаться. Я боюсь, что однажды перестану различать, какая из колонок настоящая»

Он закрыл папку и отодвинул её на край стола. За окном шумел дождь, Соколов молчал, и Глеб не торопил его.

— Он прожил после этого сорок лет, — сказал Соколов. — Умер в Гельсингфорсе, в собственном доме, в окружении соседей, которые считали его чудачком. Душеприказчик счёл записи бредом и подшил в опись имущества. Там они и лежали, пока мои люди не наткнулись. — Он поднял глаза на Глеба. — Я не знаю, что это значит. Но если это как-то связано с озером, вы должны понять это раньше, чем туман доберётся до вас.

— Мы выедем послезавтра, — набрал Глеб. — Мне нужно собрать людей.

— Хорошо. — Соколов поднялся и наконец застегнул плащ. — На месте с вами встретится Артур Самойлов. Его показания вы читали в досье. Он хочет показать место, где всё случилось.

— Договорились.

Соколов направился к двери, но на пороге обернулся. В тусклом свете коридорной лампы его лицо показалось Глебу старше обычного.

— И будьте осторожны. «Туманная» — не «Белый Мыс». Там всё иначе.

Когда шаги стихли, Глеб ещё долго сидел над раскрытой папкой. Дождь за окном усилился, и капли теперь барабанили по жести подоконника — часто, тревожно, как чьё-то предупреждение. Он взял телефон и набрал в общий чат: «Сбор сегодня в семь. У меня есть новые материалы. Выезд через два дня».

До семи оставалось ещё два часа. Глеб откинулся в кресле и позволил себе короткую передышку. Мысли сами собой перетекли к команде — к тем, кому он через два дня снова предложит войти в зону, из которой можно не вернуться.

Ивар теперь ездил по городу с навигатором, даже в знакомые места. Без GPS он терялся через три поворота: не мог сопоставить карту с тем, что видели глаза. За руль он садился только на трассах, где дорога одна и некуда сворачивать. Впрочем, он и раньше предпочитал пассажирское место: привычка считать ландшафт и замечать детали, которые водитель пропу-

стит, появилась у него задолго до «Белого Мыса». Просто теперь к ней прибавилась ещё одна причина.

Ульяна записывала мысли на диктофон, но это её бесило. Она привыкла думать руками, словно фраза обретала форму в тот момент, когда карандаш касался бумаги. Теперь вместо карандаша был голос, и слова получались другими: более плоскими, как будто чужими. Глеб видел, как она морщится, прослушивая собственные записи. Но она не жаловалась, только иногда, забывшись, тянулась за блокнотом и через секунду отдёргивала руку.

Артём после «Белого Мыса» стал ещё молчаливее. Он и раньше слов тратил мало, но теперь его молчание стало глубже, словно он всё время прислушивался к чему-то внутри. Глеб знал, что он до сих пор прочёсывает карты в поисках мест, где могла бы оказаться Лена. Не потому, что надеялся найти, а потому что не мог не искать.

Евгения держалась ровнее всех, но Глеб замечал, как она иногда замирает над чашкой чая и втягивает носом воздух. Тело помнило, что надо чувствовать запах, но сигнала не было. Она не говорила об этом и вообще редко говорила о себе, только о других, и то коротко.

Денис, единственный из них не заплативший камню, вписался в команду так, будто всегда здесь был. Он залил на канал выпуск про «Белый Мыс», но без подробностей, сказал, что «не хочет привлекать лишних». Глеб подозревал, что дело в другом: некоторые вещи просто нельзя рассказать.

Он открыл глаза и потянулся за папкой с дневником. Перечитал ещё раз фрагмент, который показывал Соколов. Две колонки. Две жизни. Одна — осушение, счета, уровень воды. Другая — та, где женщина с родинкой, дети, дом. Какая из них была настоящей, он пока не понимал.

К семи вечера в издательстве собрались все.

Ульяна пришла первой. Повесила куртку на вешалку, села в кресло у окна и, пока ждала остальных, по привычке пыталась писать в блокноте. Глеб видел, как она хмурится, выводя буквы, и как потом зачёркивает написанное одним резким движением. Плата камню до сих пор держала её: пальцы помнили форму букв, но не могли удержать их на бумаге. Она взяла телефон, надиктовала короткую заметку и тут же стёрла её. Потом попробовала писать левой рукой, но вышло ещё хуже. Она захлопнула блокнот и подняла голову, встретившись с Глебом взглядом. «Не спрашивай», — коротко мотнула она головой.

Потом появился Ивар. Он молча занял своё обычное место у стены, прямой и собранный, и кивнул Глебу. Глеб заметил, что он старается держаться спиной к стене и не смотрит в окна, после «Белого Мыса» Ивар избегал открытых пространств. Мир, в котором он больше не чувствовал направления, стал слишком зыбким, и только твёрдая поверхность за спиной возвращала ему подобие ориентации.

Через десять минут пришла Евгения. Она вошла, стряхнула капли с волос, села на диван и вытянула ноги. Выглядела усталой, но собранной, как всегда, перед выездом.

Ивар переступил с ноги на ногу, единственное движение, которое выдавало, что он ждал именно её. Евгения заметила это, но ничего не сказала, только чуть заметно кивнула ему, устраиваясь на диване.

Следом влетел Денис — мокрый, запыхавшийся, с рюкзаком на одном плече.

— Ну и дождина, — объявил он с порога. — Я думал, меня смоем по пути. Кто вообще назначает встречи в такую погоду?

— Тот, кто послезавтра поведёт тебя в карельский лес, — ответила Евгения. — Там такой же дождь, только ещё и ветер.

— Замечательно. Просто замечательно. — Денис стянул куртку и плюхнулся на свободный стул. — Я уже скучаю по цивилизации, а мы ещё даже не выехали.

Ивар достал из рюкзака термос и поставил на подоконник. Евгения проводила термос взглядом и чуть заметно усмехнулась, она уже выучила этот жест. Мятный чай означал, что Ивар в порядке, чёрный — что нет. Сегодня был мятный.

Артём пришёл последним. Он вошёл, стряхивая с камуфляжной куртки капли дождя, и от него пахло лесом и дымом, видимо, только что приехал из области на своей «буханке». Он молча кивнул всем и сел в углу, вытянув ноги. Под глазами залегли тени, но взгляд был ясным.

Когда все расселись, Глеб разложил на столе спутниковые снимки и начал пересказывать разговор с Соколовым.

— Соколов просит выезжать сейчас, — его пальцы бежали по клавиатуре, и механический голос озвучивал слова. — За последние полгода на Берестовом пропали ещё двое. Аномалия растёт. Вот свежие снимки, по ним видно, что туман уже выходит за пределы низины и ползёт в лес. С нами на месте встретится Артур Самойлов, тот самый парень, чьи показания мы читали в досье. Его девушка погибла там в прошлом году. Он видел людей в озере и усадьбу, которая то появлялась, то исчезала.

— Как в легендах о «Туманной усадьбе», — кивнул Ивар. — Но мы знаем, что никакой усадьбы там нет.

— Знаем. Поэтому и едем.

Глеб достал папку, которую принёс Соколов, и выложил на стол ксерокопии страниц, расчерченных на две колонки. На несколько секунд воцарилась тишина — все смотрели на эти листы.

— Это новое, — сказал Глеб. — Дневник Кристиана Линдхольма, тысяча восемьсот тридцать второй год. Он побывал на Берестовом и вёл записи в две колонки. В левой — хозяйство и наука. В правой — жизнь, которой у него не было.

— Две? — Ульяна подалась вперёд, и её пальцы произвольно сжались, будто держали невидимую ручку. — Можно взглянуть?

Она взяла стопку ксерокопий и пробежала глазами по первой странице. Потом медленно прочитала вслух, словно пробуя каждое слово:

— «Я смотрел на неё, и её лицо начало меняться. Черты плыли, как отражение в потревоженной воде, медленно и неуловимо. На секунду это было лицо чужого человека. Потом снова она, потом снова чужое, старше и резче. Я протёр глаза, всё прошло. Но когда она переодевалась, я заметил, что родинка на левом плече исчезла. Кожа была чистой и гладкой, без единого пятнышка. Я хотел спросить и не спросил, потому что через мгновение родинка вернулась на место. И я забыл». — Она подняла глаза. — Он пишет о женщине. Кто она?

— Этого мы пока не знаем, — сказал Глеб. — Соколов сказал только, что дневник принадлежит Кристиану Линдхольму. Он побывал на Берестовом в тысяча восемьсот тридцать втором году и вёл записи в две колонки. Больше никаких подробностей. Видимо, разобраться придётся на месте.

— Две колонки, — повторила Ульяна, переворачивая страницу. — Слева — счета, наблюдения. Сухие, как бухгалтерская книга. А справа... — она пробежала глазами ещё несколько строк, — справа — совсем другой человек.

— Там ещё есть такие же... сбои? — спросила Евгения. — Как с родинкой?

— Я пока только начала, — ответила Ульяна. — Но да, он периодически фиксирует что-то странное. А потом пишет, что забыл. Снова и снова.

— Он забывал то, что сам же записывал? — уточнил Ивар.

— Похоже на то.

— Это необычно, — заметил Артём. — Обычно люди записывают, чтобы помнить. А он записывал — и забывал.

— Может, не хотел помнить, — сказал Денис. — Или не мог.

Повисла пауза. Ульяна ещё раз пролистнула страницы и отложила ксерокопии.

— Странный документ, — подытожила она. — Я хочу прочитать его целиком. До выезда.
— Копии будут у каждого, — сказал Глеб.

Он раздал остальным по стопке листов.

— Ознакомьтесь. Это самое раннее свидетельство о «Туманной». Возможно, когда мы будем на месте, оно заговорит иначе.

— Что там с периодом затишья? — спросила Евгения. — В старом досье было, что с сорок седьмого по шестьдесят второй год на Берестовом никто не пропадал.

— Странно всё это, — сказала Ульяна. — Аномалия активна больше ста лет, а потом вдруг пятнадцать лет тишины. Почему именно этот срок? И почему потом всё возобновилось?

— Может, она не возобновилась, — негромко произнёс Артём. — Может, её что-то удерживало. А потом то, что удерживало, исчезло.

— Или умерло, — добавил Ивар.

Повисла короткая пауза.

— Соколов говорил, что пытались найти причину, — Ульяна посмотрела на Глеба. —

И что?

— Ничего, — ответил Глеб. — Ни метеосводки, ни сейсмическая активность, ни военные учения. Ничего, что могло бы повлиять на аномалию.

— Значит, это был человек, — сказала Ульяна.

— Или несколько, — кивнул Ивар.

— И теперь их нет, — добавил Артём. — А аномалия снова проснулась.

— Да, — подтвердил Глеб. — Но объяснений нет. Просто пятнадцать лет тишины, а потом всё возобновилось. Соколов говорит: возможно, на месте удастся понять, что её ослабило.

— Или кто, — добавил Артём.

— Церковные архивы проверяли? — спросила Евгения. — Если в сорок седьмом там кто-то появился, это может быть связано.

— Соколов сказал, данных нет, — ответил Глеб. — Но, если там кто-то был, мы найдём следы.

— Когда выезжаем? — спросил Денис, листая ксерокопии.

— Послезавтра. Сбор в семь утра. Артём на своей «буханке», с ним Денис. Ивар, Ульяна, Евгения и я — на внедорожнике.

— В семь — это уже лучше, чем в пять, — заметил Денис. — А можно мне тоже в одну машину со всеми? — И, не дожидаясь ответа, негромко пропел: — «И треснул мир напополам, дымит разлом...»

— Ты поёшь, — сказала Евгения.

— «Ночной дозор» — это классика, между прочим, — возмутился Денис. — Артём, ты же ценишь классику?

Артём, не поднимая глаз, пожал плечами:

— Переживу.

Ивар покосился на Дениса, потом на Евгению. Та закатила глаза. Он хмыкнул и отвернулся к окну.

— Вот видишь, — Денис повернулся к остальным. — Человек меня понимает. Мы с ним отлично доедем.

— Доедете — поговорим, — набрал Глеб, и механический голос произнёс фразу без интонаций.

— Сурово, — вздохнул Денис. — У вас тут вообще все такие суровые?

— Все, — сказала Евгения. — Привыкай.

Денис изобразил оскорблённое достоинство и демонстративно уткнулся в ксерокопии.

Когда все начали расходиться, Ульяна задержалась у стола. Она всё ещё держала в руках уже прочитанные листы дневника, но не отпускала.

— Мы его с собой возьмём? — спросила она.

— Да. Копии будут у каждого. Я хочу, чтобы мы перечитали его на месте. Возможно, там есть что-то, что мы пропустили.

Она кивнула. Потом взяла со стола спутниковую фотографию — тёмное пятно озера, окружённое лесом, и белёсую полосу тумана над ним. Палец её скользнул по снимку и остановился у кромки воды.

— Моя мать где-то там, — сказала она. — Если она ещё жива...

Она замолчала. Глеб ждал продолжения, но она только качнула головой и отложила снимок.

— Я пойду, — сказала она. — Надо собраться в поездку.

Он кивнул. Ульяна сняла куртку с вешалки и вышла. В кабинете стало тихо.

Глеб ещё долго сидел над страницами дневника. Две колонки. Одна — осушение, счета, уровень воды. Другая — та, где женщина с родинкой, дети, дом. Какая из них была настоящей, он пока не понимал. Через два дня они увидят озеро своими глазами.

Он перелистнул страницу и прочитал следующую запись, короткую, всего несколько строк, сделанную на рассвете того дня, когда Кристиан отправился к озеру. Почерк был твёрже, чем в предыдущих записях, буквы чёткие, с сильным нажимом:

«Вышел затемно. Юхан стоял у ворот и смотрел мне вслед. Я не обернулся, но знал, что он не уйдёт, пока я не скроюсь за деревьями. Лес встретил тишиной — не той, что бывает перед дождём, а другой, глубокой, в которой тонут шаги. Сосны старые, с толстыми стволами, покрытыми серым лишайником. Воздух застыл. Птиц не слышно. Пошел к северному берегу, планируя вернуться к полудню».

Он закрыл папку и выключил свет. За окном шумел дождь, но теперь этот звук казался не тревожным, а скорее живым, как напоминание о том, что мир пока ещё здесь, пока ещё настоящий. Через два дня они увидят озеро своими глазами.

Май 1832 года. Выборгская губерния, озеро Берестовое, Гряда Вярмянселькя

Кристиан Линдхольм приехал в поместье во вторник. Он никогда не бывал здесь прежде. Отец его, Густав Линдхольм, служил в Выборге и получил эти земли в наследство год назад. Сам отец, уже старый и больной, так и не удосужился осмотреть новое владение, и поместье всё это время оставалось без хозяйского присмотра. Теперь, когда отец слёг окончательно, Кристиан взял на себя заботу о делах. Он был единственным наследником, и ему следовало знать, чем он владеет.

Дорога из Або заняла четверо суток. Кристиан не жаловался, он вообще редко жаловался, находя это занятие пустым. Жалобы не меняют реальность, а он привык иметь дело с фактами. Факты же были таковы. Ему двадцать три года. Он выпускник Королевской академии Або, где изучал естественные науки и юриспруденцию. Он верит в прогресс, в науку, в способность человеческого разума проникнуть в любую тайну мироздания, и за этими словами не стоит ни юношеского задора, ни гордости — только спокойная уверенность человека, который давно решил, на чём будет стоять его жизнь. А на чём не будет: ни любви, ни привязанностей, ни слепой надежды, что счастье может длиться вечно. Такое решение он принял шесть лет назад, когда умерла Элин.

Она была дочерью соседа, они выросли вместе — сперва бегали наперегонки через двор, потом сидели над книгами при свечах, потом гуляли вдоль набережной и молчали тем особенным молчанием, которое не требует слов. Он любил её спокойно и уверенно, как любят только в юности, когда будущее кажется бесконечным. Лихорадка забрала её за неделю. Кристиана

к ней не пустили: в приличных семьях не принято, чтобы посторонний мужчина находился в доме, где лежит больная незамужняя девушка. Он ждал на улице, мерил шагами мостовую, поднимал голову на её окно и видел только плотно задёрнутые шторы. Слуги приносили короткие, обрывочные вести: жар не спадает, доктор не даёт надежды, она звала вас, но бредила. На пятое утро сказали, что всё кончено.

Он стоял на пороге её дома и смотрел, как горничная, всхлипывая запирает ставни. Одну за другой, медленно, будто закрывали не дом, а что-то навсегда. Он не плакал. Слёзы пришли позже, ночью, когда он остался один в своей комнате и вдруг понял, что больше никогда не увидит, как она шуруется, читая мелкий шрифт, и не услышит, как она смеётся над его попытками шутить по-фински. «Никогда» — это слово обожгло его изнутри, и тогда он заплакал.

К утру он принял решение. Больше никакой любви и никаких привязанностей, которые могут причинить такую боль. Факты, наука, рациональность — вот что станет его опорой. Семью, если придётся, заведёт по расчёту, без чувств, без этой глупой надежды, что счастье может длиться вечно. Так безопаснее. Так правильно.

Дом встретил его тишиной и запахом старого дерева, сухих трав и лёгкой пыли. Из прислуги остались только двое: кухарка, она же следила за домом, и старый слуга Юхан, присматривавший за хозяйством. Вечером Кристиан сидел в гостиной, разбирая бумаги прежнего владельца, и в одной из хозяйственных книг на полях обнаружилась странная пометка: «На северный берег не ходить». Ниже, уже крупнее и с нажимом: «Там туман». И ещё ниже, почти неразборчиво: «Людей не пускать. Место дурное».

Юхан как раз проходил через гостиную.

— Юхан, — окликнул его Кристиан. — Ты знаешь, что это значит?

Старик приблизился, взглянул на раскрытую страницу. Лицо его не изменилось.

— Старый хозяин писал.

— Я вижу. Но почему? Что там, на северном берегу?

Юхан помолчал, потом нехотя ответил, словно каждое слово приходилось проговаривать с трудом:

— Там туман, господин.

— И что с того?

— Это плохой туман, он появляется даже когда солнце ярко светит, даже сильный ветер не пугает его. Стоит над водой и не уходит. Люди оттуда не возвращаются.

Кристиан отложил книгу. Что-то в тоне слуги — не суеверный шёпот, а спокойная, будничная уверенность — заставило его помедлить с ответом.

— Ты веришь в это?

— Я не верю, господин. Я знаю.

Повисла пауза.

— Я хочу увидеть это сам. Если там есть что-то необычное, я должен понять, что это.

— Не надо бы, господин.

— Всё объяснимо, просто иногда мы не видим истинную причину. Завтра схожу и вернусь к полудню.

Глава 2

Май 1832 года. Выборгская губерния, озеро Берестовое, Гряда Вярямянселькя

Кристиан вышел засветло. Лес встретил его тишиной, вязкой и глубокой, как вода в старом колодце, и шаги тонули в ней, не находя отзвука. Сосны стояли старые, с толстыми стволами, покрытыми серым лишайником. В низинах клубился утренний туман. Холод подбирался к нему медленно, словно крадучись. Сперва это была приятная свежесть, но чем дальше он шёл, тем глубже холод проникал под одежду, просачиваясь сквозь подошвы сапог и забираясь липкими пальцами за воротник. Земля под ногами стала пружинить, мох сделался мягче и податливей.

Впереди, за деревьями, появился просвет. Он сделал ещё несколько шагов, и лес расступился. Внизу лежала неподвижная чёрная вода, гладкая, как стекло. И над ней от края до края стоял плотный, осязаемый туман. Внутри что-то мерцало, слабо, ритмично, как пульс. От него тянуло холодом и странным запахом лежалой шерсти, старой золы и холодного камня.

Кристиан медленно протянул руку. Пальцы осторожно коснулись тумана и отёрнулись сами собой, раньше, чем мозг успел осознать боль. Это был ожог, ледяной, мгновенный, пронзивший ладонь до кости. Когда он разжал пальцы и посмотрел на ладонь, он не поверил своим глазам: кожа на кончиках пальцев глубоко сморщилась, состарившись за несколько секунд.

Он попятился, запнулся о корень и рухнул на спину. Вскочил и замер. Там, на той стороне озера, где никогда не было и не могло быть человеческого жилья, горели огни. Десятки маленьких, жёлтых огоньков, похожих на пламя керосиновых ламп. Они выстроились вдоль берега длинной дрожащей цепочкой, и в их неровном свете проступали размытые очертания домов. Тёмные, покосившиеся срубы с пустыми глазницами окон смотрели на него через озеро. Внутри кто-то стоял — тёмные силуэты, замершие, как фигуры на старом портрете. А потом одна из теней шевельнулась, а за ней и остальные, словно по команде, медленно и бесшумно повернули головы к нему.

Кристиан побежал. Он бежал, пока не выдохся, а потом остановился, упершись ладонями в колени, и долго стоял так, хватая ртом воздух и чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Ветки хлестали по лицу, мох пружинил под ногами, но он не замечал ничего вокруг, охваченный единственным желанием убраться подальше от озера. Только теперь, стоя в полной тишине и пытаясь отдышаться, он начал осознавать, что лес вокруг всё тот же. Старые сосны с обвисшими ветвями, серый лишайник на стволах. Он поднял голову и увидел, что стоит на том же самом берегу. Туман всё так же висел над водой, плотный, неподвижный и совершенно равнодушный. Огни горели на той стороне, и тени всё ещё стояли в окнах и смотрели на него.

Из тумана донёсся голос. Женский, мягкий и низкий, похожий на колыбельную, которую он смутно помнил с самых ранних лет. Голос произнёс его имя — просто, коротко, как звала когда-то мать. Он шагнул вперёд, и туман качнулся навстречу, обнял его со всех сторон и повёл за собой, и с каждым шагом воздух становился теплее, наполнялся запахами дыма, печного тепла, свежееиспечённого хлеба. Впереди скрипнула половица, звякнула посуда, и женский смех прокатился по комнате, которую он ещё не видел, но уже знал. Он пошёл на этот смех, позволяя туману вести себя, и через несколько шагов пелена расступилась, открывая гостиную, залитую мягким светом.

У окна, спиной к нему, сидела женщина. Светлые волосы убраны в небрежный пучок. Тонкие пальцы перебирали какую-то вышивку. Она не обернулась, а просто сказала, негромко и буднично:

— Ты долго. Я уже думала, ты не придёшь.

И Кристиан знал её имя. Знал, что она смеётся, когда он пытается шутить по-фински. Знал, что у неё на левом плече маленькая круглая родинка. Знал всё это так же твёрдо, как и то, что она умерла шесть лет назад.

— Я пришёл, Элин. — сказал он.

Она обернулась и улыбнулась.

Он прожил в этом доме много лет.

В первый год она иногда пугала его. Он подходил сзади, обнимал за плечи и вдруг чувствовал, что кожа у неё холодная и влажная. Не прохладная, как у человека с улицы, а именно холодная, как вода в озере, как туман, как что-то, что никогда не было живым. Он отдёргивал руки, она оборачивалась и смотрела на него серыми, с золотистыми крапинками глазами. Взгляд был чужой и пустой, каким смотрит портрет или отражение в воде, каким смотрит то, что притворяется человеком. Он открывал рот, чтобы спросить, что с ней, но в следующую секунду она уже улыбалась, глаза теплели, кожа под его пальцами становилась тёплой и сухой, и он забывал. Память об этом странном прикосновении, об этом чужом взгляде исчезала, как исчезает сон через минуту после пробуждения.

— Ты чего? — спрашивала она.

— Ничего, — отвечал он. — Показалось.

Иногда её лицо начинало плыть. Он смотрел на неё, и черты вдруг теряли резкость, расплывались, как отражение в потревоженной воде. Это длилось не дольше мгновения, но он успевал заметить. А однажды, когда она переодевалась, он увидел, что родинка на левом плече исчезла. Кожа была чистой и гладкой, без единого пятнышка. Он хотел спросить, и не спросил, потому что через секунду родинка вернулась на место. И он забыл.

К концу первого года это прошло. Она больше не пугала его: кожа всегда оставалась тёплой, взгляд был живым, улыбка той самой настоящей. То ли туман научился не ошибаться, то ли он сам перестал замечать.

Первый ребёнок родился летней ночью, душной и дождливой. Элин мучилась долго, кричала так, что у него сердце обрывалось, но, когда всё закончилось и повитуха вынесла ему свёрток — крошечного, сморщенного, орущего мальчика, — он почувствовал, как в груди распирает от счастья. Сын, у него есть сын. Он держал его на руках и не мог отвести глаз от крошечных пальцев, от сморщенного личика, от пушистых светлых волосёнок на макушке.

Они назвали его Аксель, в честь деда. Элин оправлялась долго. Он сидел у её постели, держал за руку, и порой ловил себя на том, что слишком пристально вглядывается в её лицо. Он не знал, почему, он не помнил. Но тело помнило, и, когда кожа оставалась тёплой, он чувствовал облегчение, которому не мог найти причину.

Через три года родилась дочь. Девочка появилась на свет ясным сентябрьским утром, и первый её крик разнёсся по дому, как колокольчик. У неё были светлые, почти белые волосы — в мать — и глаза, про которые Элин сказала: «Твои. Совершенно твои». Они назвали её Ингрид.

Первые шаги дочь сделала в детской: четыре неуверенных шажка от кровати до окна. Кристиан стоял на коленях, протянув руки, ловил каждый её шаг, и когда она добралась до него и ухватилась за пальцы, он заплакал. Никогда в жизни он не был сентиментален, но тут слёзы потекли сами. Элин, стоявшая рядом, тихо смеялась.

Дети росли быстро. Аксель уехал учиться, сначала в Гельсингфорс, потом в Упсалу. Писал письма, длинные, обстоятельные, полные новостей и размышлений. Кристиан перечитывал каждое по нескольку раз, а Элин качала головой и говорила: «Ты как влюблённый». Он не спорил.

Ингрид вышла замуж за молодого офицера — высокого, подтянутого, с громким смехом и привычкой чуть склонять голову набок, когда он слушал собеседника. Свадьбу играли в поместье, на террасе, выходившей к озеру. Элин плакала от счастья. Кристиан держал её за руку и тоже плакал, хотя ни за что не признался бы в этом.

Они старели вместе. Медленно, незаметно, как стареют все, кому повезло прожить долгую жизнь. Зимними вечерами, когда озеро замерзало и ветер выл в печной трубе, они сидели вдвоём, и он читал ей вслух. Весной, когда сходил снег, она выходила в сад и подолгу возилась с цветами, а он смотрел на неё с террасы. Летом приезжали дети: Аксель с женой и двумя мальчиками, Ингрид с мужем и маленькой дочкой. Дом наполнялся голосами, смехом, топотом детских ног. Элин хлопотала на кухне, и Кристиан слышал, как она отдаёт распоряжения прислуге — в точности тем же тоном, что и двадцать, и тридцать лет назад.

Кристиан стоял на террасе и смотрел, как солнце опускается за озеро, окрашивая воду в цвет старой меди. Из дома доносились голоса — смех детей и внуков, звон посуды, обрывки разговоров, и все эти звуки сливались в единую мелодию, которую он слушал уже много лет и от которой никогда не уставал. Он чувствовал, как грудь распирает от чего-то, чему не было названия, и вдруг подумал, что вот оно. То, ради чего всё было. Не усадьба, не карьера, не его научные труды. А этот закат, этот дом, эти голоса. Просто тихий летний вечер, который никуда не спешит.

— Папа! — Аксель вышел на террасу, держа на руках младшего сына. Мальчику был год, он недавно научился ходить и теперь, устав, прижимался к отцу. Увидев деда, он потянулся к нему. — Ты где пропал? Мы уже хотели садиться без тебя.

— Иду, — сказал Кристиан.

Он шагнул к двери, взялся за ручку, и в тот миг, когда пальцы сжали холодный металл, всё исчезло. Терраса под ним стала мхом, небо над головой сомкнулось серой пеленой, а голоса, только что звучавшие рядом, стихли. Он остался стоять на четвереньках в мокрой траве, ещё чувствуя на губах улыбку, с которой обернулся к Акселю. Ещё слыша в груди то тепло, которое поднялось при виде внука.

А потом он вспомнил. Вспомнил всё разом, без подготовки, и его согнуло пополам, как от удара. Он помнил, как держал на руках новорождённого сына, помнил влажную тяжесть свёртка и запах детского мыла. Помнил первые шаги дочери — четыре шажка от кровати до окна, и Элин смеялась у него за спиной. Помнил их голоса, их лица, их письма. Помнил всё это так же ясно и подробно, как помнят события своей единственной, подлинной жизни. Но жизни не было. Был только туман, который показал ему всё это, а теперь оставил с памятью и любовью, которым некуда было деться.

Кристиан стоял на коленях в мокром мху, прижимая ладони к груди, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Он любил своих детей. Любил жену. Скучал по ним так, словно потерял их только что, и одновременно знал, что терять было некого. Их не существовало. Никогда. И эта любовь, живая и настоящая, осталась в нём навсегда, обращённая в пустоту, и ей некуда было уйти, не во что было превратиться — только в боль. Чистую, беспримесную, бесконечную боль.

Туман перед ним перестал быть просто мглой. Он потемнел, сгустился в центре и из этого сгустка выступила фигура — тёмный, огромный, колышущийся силуэт, сотканный из холода и запаха лежалой шерсти. Кристиан почувствовал, как ледяные пальцы просунулись под рёбра и сомкнулись на позвоночнике. Холод был такой, что он перестал чувствовать собственное тело. Осталась только боль — та самая, что рвала его изнутри: память о жене и детях, о тридцати годах, которых не было. И эта боль отозвалась на прикосновение, как натянутая струна. Она стала острее, ярче, невыносимее, он почувствовал, как его любовь, его тоска, его память выте-

кали из него, словно кровь из открытой раны, и перетекали в тварь. Та становилась плотнее, реальнее с каждым мгновением. Она питалась им, его страданием, его жизнью. Ещё секунда — и он забудет, как пахли волосы Акселя. Ещё две — и не сможет вспомнить смех Ингрид. Ещё три — и от Элин останется только имя, пустое и глухое. Он этого не допустит. Это его. Его дети, его жена, его тридцать лет счастья, даже если их никогда не существовало. Они его, потому что он их любит. И эту любовь у него не отнимут. Он рванулся назад, выдирая себя из ледяной хватки, и закричал: — Нет! Не отдам!

Фигура дрогнула, на секунду, на долю мгновения, но этого хватило, чтобы Кристиан отёрнулся и заслонил грудь руками, как заслоняют огонь. Туман вокруг него заколебался и начал рассеиваться. Тварь медленно отступила, нехотя, словно не веря, что добыча может сопротивляться, а потом растаяла, растворилась в белёсой мгле. Кристиан остался один на коленях в мокром мху. Тяжело дышал, его трясло. На груди, там, где касалась тварь, осталось ледяное пятно. Пальцы правой руки, старой и скрюченной, вцепились в мох. Боль никуда не ушла. Но она была его. И он никому её не отдаст.

Кристиан сел. Медленно, как старик, хотя тело было молодым. Он смотрел на свою правую руку — ту, что коснулась тумана. Она была старой, сморщенной, узловатой, с пигментными пятнами, а левая оставалась молодой. Он сжимал и разжимал пальцы, и ему казалось, что они принадлежат разным людям.

Он уехал через несколько дней в Гельсингфорс. Никому не объяснил причин. Просто собрал вещи и уехал. Он больше не мог оставаться в этом доме: каждый звук, каждый запах были невыносимо чужими, потому что в той, другой жизни, дом был совсем иным.

Сентябрь 2024 года. Санкт-Петербург

К семи утра все собрались во дворе издательства. Артём с Денисом приехали первыми на «буханке»: Артём по-лесному вставал затемно, а Дениса выманил из квартиры, пообещав кофе. Теперь оба стояли у капота с бумажными стаканчиками в руках. Денис, закутанный в толстовку, молчал, что для него было редкостью, и смотрел в одну точку. Артём выглядел собранным и спокойным.

Ивар приехал следом и сразу занялся делом: открыл багажник внедорожника и проверял снаряжение. Датчики, тепловизор, камеры — всё было уложено в кофры с ячейками, подписанными маркером. Он работал медленнее обычного, осматривая и встряхивая каждую коробку, прежде чем поставить её на место. Это была новая привычка, появившаяся после потери ориентации: он перестал доверять своим рукам, если не видел их работы глазами. Евгения говорила, что это нормально: мозг ищет замену утраченному чувству через зрение. Ивар ей верил, но всё равно перепроверял.

Глеб спустился во двор с сумкой через плечо. Под ногами хлюпал мокрый асфальт, он машинально обошёл лужу у старой водосточной трубы с ржавым ободком, которая не просыхала даже в сухую погоду. Воздух пах прелой листвой и близкой осенью. Он окинул взглядом собравшихся, задержался на Иваре и, убедившись, что всё в порядке, подошёл к «буханке».

— Доброе утро, — сказал он. — Как спалось?

— Никак, — буркнул Денис. — Снилось какая-то фигня.

— Это нормально, — спокойно ответил Артём. — Перед выездом всегда снится.

— Тебе-то откуда знать? Ты вообще спишь?

— Сплю. Просто не запоминаю.

Ульяна и Евгения появились почти одновременно, но с разных сторон. Ульяна вышла из-за угла издательства, на ходу листая что-то в телефоне, и остановилась у внедорожника, не поднимая головы. Евгения подошла от метро с сумкой через плечо и термосом в руке. Увидев Ульяну, погружённую в экран, она хмыкнула:

— Дай угадаю: дневник.

- Он самый. — Ульяна наконец оторвалась от телефона. — Никак не могу отлипнуть.
- Это заметно. Ты вчера в нём полночи сидела.
- Ты откуда знаешь?
- Ты мне в час ночи скинула ссылку на статью про туманы. Я как раз собиралась спать.
- И что?
- И ничего. Прочитала и легла. Статья была полезная.
- Я рада, что ты рада.
- Я не рада. Я выспавшаяся. Это разные вещи.

Ульяна фыркнула и убрала телефон в карман. Подошёл Глеб, оглядел собравшихся и коротко кивнул:

- Все в сборе. Выежаем.

Они расселись. Глеб за руль внедорожника, Ивар на пассажирское с планшетом, Ульяна и Евгения сзади. Артём завёл «буханку», Денис рядом с ним уже пристёгивался, поправляя камеру на коленях. Две машины мягко тронулись и выехали со двора.

Город за окном уже начал просыпаться: редкие машины, прохожие с поднятыми воротниками. Глеб вёл машину, привычно сверяясь с зеркалами. Ивар держал на коленях планшет и время от времени поглядывал на маршрут, хотя маршрут был прост: КАД, затем Ново-Приозерское шоссе, прямо и прямо, пока не кончится асфальт.

— Навигатор показывает до Берестового чуть больше часа, — сказал Ивар. — Это если без пробок на КАДе.

— В семь утра пробок не будет, — отозвалась с заднего сиденья Евгения. — Все нормальные люди ещё спят.

- А мы, значит, ненормальные, - буркнула Ульяна
- Мы исследователи. Это другое, - парировала Женья.

Ивар хмыкнул и вернулся к планшету.

Ульяна отложила телефон. Глеб заметил в зеркале заднего вида, как она машинально потянулась к блокноту, коснулась обложки и отёрнула руку.

- Сколько раз за день? — спросила Евгения.

— Чего?

— Тянешься к блокноту.

— Не считала. Много.

— Зачем он тебе вообще? Ты же печатаешь.

— Печатаю, — согласилась Ульяна. — Но это другое. Когда пишешь рукой, слова идут иначе, медленнее и я успеваю подумать.

— А когда печатаешь?

— А когда печатаю, пальцы обгоняют голову. Получается быстрее, но глупее.

Евгения хмыкнула.

— Ну хоть честно.

Ульяна фыркнула и снова взялась за телефон.

— Мне не даёт покоя, — вдруг сказала Ульяна. — Кристиан пишет, что забывал. Каждый раз, когда иллюзия давала сбой, он забывал, что заметил трещину.

— Это и есть самое страшное, — тихо отозвался Артём по рации. — Ты видишь, что всё ненастоящее, но тебе не дают это помнить.

— Как будто кто-то специально держит внутри.

— Или что-то.

— А рука, — добавил Денис. — Он же её сунул в туман, и кожа состарилась. Это не иллюзия. Это физика.

— Значит, туман настоящий, — сказал Ивар. — По крайней мере, для тех, кто в него попадает.

— Ладно, — выдохнул Денис. — Тогда план простой: не совать руки в туман и не верить тому, что покажут.

— Ты сам-то веришь в этот план? — спросила Евгения.

— Нет. Но других всё равно нет.

За окнами замелькали дачные посёлки с разнообразными заборами и домами, автозаправки, рекламные щиты. Глеб вёл ровно, держа скорость. Постепенно пригороды сменились лесом, а ещё через некоторое время асфальт кончился. Дорога сузилась, перешла в укатанную грунтовку, которая уходила вперёд, петляя между соснами. Глеб глянул на навигатор: до озера оставалось минут десять. Он сбросил скорость. Грунтовка была разбитой, с глубокими колеями, заполненными рыжей водой, ветки скребли по бортам.

— Вот теперь начинается, — сказал Ивар, глядя на планшет. — Сигнал мигает.

Три деления на экране сменились одним, потом исчезли совсем. Через несколько секунд сигнал появился снова, слабый и едва заметный.

— Как в «Белом Мысе», — сказала Евгения. — Там тоже связь плыла, когда мы подъезжали.

— Значит, аномалия уже рядом, — ответил Глеб.

В «буханке» у Артёма тоже заметили сбой. Глеб услышал в рации голос Дениса раньше, чем тот обратился к ним напрямую: Денис что-то говорил Артёму, и микрофон рации был открыт.

— Слушай, а в «Белом Мысе» связь тоже так плыла? Я уже не помню, — донёсся его голос.

— Так же, — ответил Артём. — Только там ещё тепловизоры с ума сходили. Здесь пока тихо.

— Пока, — повторил Денис. — Люблю это слово.

— Я тоже, — неожиданно сказал Артём. — Оно честное.

— У нас тут навигатор с ума сошёл. Показывает, что мы едем в обратную сторону, — уже громче сказал Денис, обращаясь ко всем через рацию.

— Это помехи, — ответил Артём. — Дорога одна, не заблудимся.

— Я не боюсь заблудиться. Мне другое не нравится.

— Что именно?

— Что мы уже на месте. А он показывает, будто мы только выехали. Как в «Белом Мысе» со временем было, тогда тоже минуты путались.

Артём помолчал.

— Я понял. Но дорога всё равно одна. Едем.

— Вот это меня и пугает, — тихо сказал Денис.

Впереди, за поворотом, показался старый «уазик» с ржавыми бортами. Рядом, привалившись плечом к капоту, стоял человек в выцветшей камуфляжной куртке и смотрел на приближающиеся машины.

— Логинов, — сказал Глеб.

Он остановил внедорожник и вышел. Логинов отлепился от капота и шагнул навстречу. Выглядел он так же, как в июне: обветренное лицо, глубокие морщины, цепкий взгляд. Только теперь к этому добавилась усталость — видно было, что эти дни он провёл, мотаясь между точками наблюдения, и спал урывками.

— Добрались, — сказал он вместо приветствия. — Я уж думал, не приедете.

— Почему?

— Потому что умные люди сюда не ездят. — Он усмехнулся одними уголками губ. — Но вы не умные.

— Мы исследователи, — ответил Глеб.

— Я помню. — Логинов достал из кармана мятую карту и протянул ему. — Здесь отмечены места, где туман ближе всего подходит к дороге. И где видели утопленников. Я проверял с утра. За последние три дня он расширился ещё на полсотни метров. Если так пойдёт, через неделю он будет здесь.

Глеб развернул карту. Она была испещрена пометками — кружки, стрелки, даты. Почерк у Логинова был мелкий, но разборчивый.

— Спасибо, — сказал он. — Это поможет.

— Не за что. — Логинов помолчал, потом добавил: — Артур вас ждёт у озера. Он парень хороший, но дёрганый. Слишком долго здесь сидит. Не давите на него.

— Не будем.

— Я сейчас к шоссе, там связь лучше, Соколову доложусь. — И ещё, — Логинов посмотрел Глебу прямо в глаза. — я видел туман. Он не просто висит, он движется, как будто живой, и внутри что-то есть.

Глеб вспомнил Кристиана. *«Внутри что-то мерцало, слабо, ритмично, как пульс».*

— Мы будем осторожны, — сказал он.

Логинов кивнул, развернулся и пошёл к своему «уазу». Уже сев за руль, он обернулся:

— Если что — звоните. Я буду неподалёку.

— Договорились.

«Уазик» чихнул, выплюнул облако сизого дыма и покотил по грунтовке в сторону шоссе. Глеб проводил его взглядом и вернулся в машину. Он развернул карту Логинова на руле и жестом попросил всех подойти. Ульяна и Евгения вышли из внедорожника, Артём и Денис выбрались из «буханки» и подошли к капоту. Ивар остался на пассажирском, но повернулся, заглядывая через плечо.

— Он тут всё разметил, — сказал Глеб, проведя пальцем по цепочке кружков. — Северный берег, низина, кромка воды. И вот здесь, — он ткнул в три красных крестика, — места, где туман ближе всего подходит к дороге.

— Уже близко, — заметил Артём, прищурившись. — Если за ночь ещё подползёт, можем и не проехать.

— Я глянул по спутнику вчера, — добавил Ивар. — Там старая лесовозная колея чуть восточнее, можно объехать, если что. Но лучше не рисковать и встать лагерем сегодня засветло.

— А где Артур? — спросил Денис, вглядываясь в карту. — Он же у озера?

— Да, вот здесь. — Глеб показал точку у воды. — Логинов сказал, он ждёт. Парень, видимо, там уже не первый день.

— Тогда не будем терять время, — подытожила Ульяна. — До темноты надо успеть осмотреться.

Все вернулись к машинам. Глеб завёл двигатель. Внедорожник тронулся. Лес за окном редел, и впереди, между стволами, уже угадывался просвет там, где деревья расступались и открывали воду. Туман ещё не было видно, но Глеб чувствовал его присутствие, пока только предчувствие, тяжёлое и холодное, как воздух перед грозой.

А потом Ульяна вдруг сказала:

— Пахнет.

Глеб не почувствовал ничего, но вспомнил Кристиана. Лежалая шерсть, старая зола, холодный камень. Он опустил стекло. В салон ворвался сырой воздух, пока ещё обычный с примесью мокрой хвои и близкой воды. Но где-то под ним, едва уловимо, прятался другой запах. Чужой. Глеб закрыл окно и прибавил скорость.

— Приехали, — сказал Ивар.

Впереди, за последними деревьями, блеснула вода.

Глава 3

Весна 1701 года. Деревня у Берестового озера

Деревня у Берестового жила богато, так богато, как не жила ни одна деревня в округе. Избы здесь крыли тёсом, а не соломой, и у каждой семьи имелся хлев на три головы, а у кого и на пять. В погребах стояли кадки с солониной и вяленным сигом, в ларях лежала ржаная мука, а по праздникам доставали и ячменную, из которой пекли лепёшки на молоке. Женщины носили юбки из крашеного льна и кофты с оловянными пуговицами, замужние повязывали голову белым платком, девушки ходили с лентами в косах. Мужчины имели добротную обувь, а дети зимой не сидели на печи, потому что у каждого была обувь по размеру, а не обноски со старших, как в бедных деревнях, где лишний рот означал голодную зиму.

Хелми проснулась рано, когда за окном ещё висела предрассветная серость. Муж спал, отвернувшись к стене, и она осторожно спустила ноги с примоста, стараясь не скрипнуть. В сенях нашарила берестяной туюсок с сушёной травой. Отщипнула щепоть, бросила в кружку, залила тёплой водой из печи. Отвар заваривался быстро и пах горьковато, но она уже привыкла к этому запаху за пятнадцать лет.

Она вышла на крыльцо. Деревня только просыпалась, над озером поднимался обычный утренний туман. От воды тянуло сыростью и рыбой, где-то за околицей мычала корова. Хелми села на ступеньку и не торопясь, маленькими глотками выпила отвар. Она думала о том, что сегодня испечёт рыбник, как обещала дочерям. Думала о новой вышивке на переднике, которую никак не могла закончить. Думала о соседке Айно, которая на прошлой неделе обмолвилась, что её старший сын заглядывается на Хелмину старшую дочь, и это было бы неплохо, потому что у Айно дом крепкий и надел хороший. Она думала о многом, о чём думает женщина, у которой всё в порядке. О том, что дети здоровы, муж в настроении, в доме достаток, а впереди её ждал долгий весенний день, полный приятных хлопот.

Она допила кружку, сполоснула её и поставила на полку. За этим занятием она не чувствовала ни печали, ни сомнений. Она делала то же, что делала её мать и её бабка. Никто не принуждал её, просто этой весной совет решил, что деревне нужно трое детей, и разрешение дали другим женщинам. Хелми в их число не попала, и это было нормально. Она уже рожала дважды, обе девочки здоровы и растут, а в этот раз черёд других. Всё просто и по порядку.

Совет собрался в доме старшего, когда солнце уже село и деревня погрузилась в сиреневые сумерки. В доме у Онни было чисто и просторно: стол, покрытый домотканой скатертью, вдоль стен стояли лавки с резными спинками, на полке красовалась оловянная посуда.

Онни сидел у окна и слушал. Говорил он редко, а если говорил, то к его словам прислушивались из уважения, которое копилось годами. Сейчас он молчал, расставив локти на столе, и только пальцы его медленно поглаживали край скатерти. Он знал каждую семью в деревне, знал, кто в какой избе спит и сколько ртов кормится от каждого надела. Это знание давало ему не власть, а скорее усталую ответственность.

Напротив сидел Эско, коренастый рыбак, с короткой бородой и ладонями, изрезанными старыми шрамами от лески. Рядом с ним разместился Пекка, второй по достатку после старшего: он держал пару лодок и нанимал работников на путину. У двери, привалившись плечом к косяку, стоял Юсси, младший в совете, племянник Онни. Он был единственным, кто ещё не обзавёлся хозяйством, а значит, ему нечего было терять. Это давало ему свободу говорить то, о чём другие молчали, потому что каждый из них думал о своих наделах, о приданом для

дочерей, о наследстве для сыновей. У Юсси ничего этого не было, и он мог позволить себе сомневаться вслух.

— Каарина забыла выпить, — сказал Онни. Голос его был спокойным и глуховатым. — Срок уже больше месяца. Я к ним заходил. Она согласна, но пришлось поговорить подольше.

— Раньше хватало одного раза, — заметил Эско, потерев бороду. — Сейчас всё дольше уговариваем, и забывают чаще.

— Новеньким теперь вообще по два раза объясняем, — добавил Пекка. — Моя жена с женой Эско, когда молодух наставляють, уже и так и эдак. А они всё равно глазами хлопают, будто не понимают.

— Поймут, — спокойно ответил Онни. — Все понимают. Просто иногда нужно время.

— Я не про Каарину, — сказал Пекка. — Я вообще. Срок больше месяца — это уже не просто задержка. Моя бабка говорила: если женщина понесла и месяц прошёл, то душа уже там.

— Бабкины сказки, — махнул рукой Эско.

— Может, и сказки, а если нет? — Пекка обвёл взглядом остальных. — Моя бабка ещё говорила: земля запомнит. Если женщина понесла, а дитя не родилось, душа его остаётся здесь. Не уходит. Она повитухой была сорок лет, многое знала.

— Это всё не просто так, — тихо добавил Эско, переглянувшись с Пеккой. — Мы не звери. Мы просто порядок держим.

Юсси у двери пошевелился.

— Так, выходит, если там уже душа, — медленно произнёс Юсси, — мы сейчас про неё и решаем?

Онни посмотрел на него долгим взглядом.

— Мы решаем не что с ней делать. Мы решаем, как сохранить порядок. Каарина забыла выпить вовремя. Такое бывает. Она выпьет сейчас.

— Но, если Пекка прав? — упрямо повторил Юсси. — Если там и правда душа?

Повисла пауза. В избе стало тихо, только плошка с жиром потрескивала на столе. За окном темнело озеро, и над водой уже поднимался вечерний туман. Онни смотрел на Юсси, и в его взгляде не было ни гнева, ни осуждения, осталась только усталость человека, который вынужден принимать решения, зная, что они никогда не будут лёгкими.

— Тогда мы будем за это отвечать, — сказал он наконец. — Все. Но порядок есть порядок. Завтра Каарина выпьет. Так тому и быть.

Все поднялись следом. Юсси вышел последним и остановился на крыльце, глядя на озеро. Туман уже скрыл воду. Он стоял и думал о словах Пекки: «Земля запомнит». Потом махнул рукой и пошёл к своему дому.

Когда старейшина ушёл, Матти плотно прикрыл за ним дверь, словно отгораживая дом от всех чужих слов, что остались за порогом. Каарина сидела у окна и смотрела на кружку с отваром.

Матти подошёл и сел рядом, не касаясь её. За окном ветер гнул верхушки сосен, где-то далеко брехала собака. Дети спали: сын, Хенрик, разметавшись на примосте, и маленькая Анни, посапывая под лоскутным одеялом.

— Он приходил говорить про закон, — негромко сказала Каарина. — Говорил, что я всех подведу. Что, если я не выпью сейчас, другие тоже перестанут слушаться.

Матти кивнул. Он всё это уже слышал и сам говорил со старостой. Он не привык говорить много, но сейчас подбирал слова с той осторожностью, с какой берут в руки что-то хрупкое.

— Послушай, — сказал он. — Я уже сказал Онни. Ещё когда он только вошёл. Сказал, что это не его дело. Это наше с тобой дело. Я не знаю, как будет правильно. Но я знаю, что никто не смеет тебя заставлять.

Каарина подняла на него глаза. Он редко говорил так много.

— Надел... — начала она.

— Да что надел, — вдруг выдохнул Матти. — Я что, не прокормлю своих детей? У меня две руки, спина есть. В Нижней деревне вон по восемь ртов в избе, и ничего, живут. А мы что, хуже?

— Не хуже.

— С наделом уж как-нибудь управимся. Ты о себе думай, не о земле. Что решишь, то и сделаем. С людьми я сам разберусь

Каарина почувствовала, как дрогнуло что-то внутри. Словно гора, которая давила на плечи весь вечер, чуть сдвинулась.

— Я хочу, чтобы у Хенрика и Анни всё было хорошо, — тихо сказала она, глядя на спящих детей. — Я не хочу, чтобы они бедствовали.

Она взяла кружку и долго держала её в ладонях. Отвар был холодным, и от этого казался ещё более горьким. Она думала о словах старейшины. Думала о других женщинах, которые ждали её решения. Она знала: если она сейчас не выпьет, завтра ещё три женщины скажут, что тоже «забыли».

Она быстро, зажмурившись выпила отвар. Поставила кружку на стол. Потом прижалась к мужу и заплакала: горько и тихо, уткнувшись лицом в его плечо. Матти не уговаривал её успокоиться. Просто гладил по голове, вдыхая запах дыма и трав, и ждал, пока она выплечется. Позже она вытерла лицо передником и пошла к печи. В доме пахло тёплым хлебом. За окном темнело, и над озером вставал туман.

Сентябрь 2024 года, озеро Берестовое, Гряда Вярямянселькя

Внедорожник выехал из леса и остановился на краю поляны. Глеб заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя через лобовое стекло. Впереди, метрах в ста, лежало озеро. Над ним, от берега до берега, висел плотный, неподвижный туман. Глеб вышел из машины. Воздух был сырым и холодным, пахло мокрой хвоей и застоявшейся водой. Он сделал несколько шагов к озеру и остановился.

Сзади хлопнули дверцы. Ульяна встала рядом, сунув руки в карманы куртки. Она ничего не говорила, просто смотрела на воду. Евгения вышла следом, поёжилась и застегнула молнию до горла. Ивар остался у машины, он достал планшет и молча водил пальцем по экрану, проверяя показания датчиков.

— Тишина какая, — сказала Ульяна и поёжилась.

Тишина была такой плотной, что хотелось сказать что-нибудь просто чтобы её нарушить. Ветер не трогал кроны, птицы молчали, вода у берега лежала неподвижно. Ни одного звука, кроме их собственных шагов.

«Буханка» Артёма остановилась рядом. Артём вышел, оглядел озеро и ничего не сказал. Денис выпрыгнул следом с камерой в руке, поднёс её к глазам, но опустил, так и не включив.

— Ну и местечко, — пробормотал он. — Я думал, будет как-то... по-другому.

— Как? — спросила Евгения.

— Не знаю, хотя бы менее мёртвым.

От озера шёл человек. Он появился со стороны мыса, где туман подходил ближе всего к берегу, и Глеб заметил его не сразу — серая штормовка сливалась с серым небом. Человек перепрыгнул через поваленный ствол, обошёл лужу и направился прямо к машинам. Шагал он размашисто, слегка вразвалку. Подойдя, остановился напротив Глеба и сказал:

— Вы от Соколова.

Глеб опустил глаза к телефону. Приложение «Слух» уже работало — бегущая строка перевела вопрос. Он протянул руку и представился. Артур пожал её, кивнул:

— Артур. Логинов предупредил, что вы приедете. Шестеро. Я так понимаю, это вы и есть.

Глеб по очереди назвал остальных. Артур каждому кивнул, задерживая взгляд чуть дольше, чем требовала простая вежливость. Он не присматривался и не оценивал — скорее, запоминал.

— Вы давно здесь? — спросила Ульяна.

— Одиннадцать дней. Взял отпуск на работе и приехал. Соколов сказал, что в сентябре сюда отправится группа, и я решил дождаться вас на месте. Не хотел потом догонять и объяснять заново.

— Вы с ним на связи всё это время?

— Через Логинова. Здесь связь не держит, но Логинов мотается к шоссе и передаёт. Я ему свои записи, он мне — новости. Последняя была, что вы выехали.

— А что вы здесь делали эти одиннадцать дней? — спросил Ивар, не отрываясь от планшета.

— Смотрел. Записывал. Пытался понять. — Артур достал из кармана сложенный лист и протянул Глебу. Это была карта, нарисованная от руки, с пометками вдоль береговой линии. Почерк неровный, но разборчивый, с датами, временем и значками. — Весь год после того, что случилось с Аней, я собирал всё, что мог найти об этом месте: архивы, легенды, старые карты. В Выборге, в Приозерске, даже в Хельсинки запрос делал. Соколов помог с доступом к некоторым документам. Так что, когда приехал, уже знал, куда смотреть.

Артур посмотрел в сторону озера и поёжился от осевшего внутри напряжения последних дней, он сунул руки глубже в карманы:

— Туман стал выше и плотнее. Раньше он был мне по грудь, теперь поднимается выше головы. Раньше отступал днём, теперь стоит постоянно. И ещё... — Он запнулся. — Я видел их.

— Утопленников? — уточнила Ульяна.

— Да, они выходят по ночам. Стоят на мелководье и смотрят на берег. Я не подходил, просто сидел у костра. Они стояли, смотрели в ответ и уходили обратно.

— Когда это было?

— Четыре ночи назад. И две ночи назад. И вчера. Они приходят каждую ночь. — Артур помолчал. — Среди них есть и мужчины и женщины.

Повисла пауза. Ульяна медленно выдохнула. Глеб заметил, как она сжала пальцы в карманах куртки.

— Покажете место? — набрал он.

Артур кивнул и повёл их вдоль берега. Он шёл на полшага впереди, переступая через замшелые корни и лужи так, словно выучил здесь каждую кочку. Туман оставался справа, и Глеб заметил, что Артур ни разу не повернулся к нему спиной.

— В первый день я просто сидел на берегу и ждал, — заговорил Артур на ходу. — Думал, может, что-то произойдёт. Ничего не произошло. Туман стоял как стена. Тогда я начал ходить. Утром, днём, вечером. Приглядывался. Через три дня стал замечать закономерности.

Он остановился у поваленного дерева, ствол которого уходил в воду.

— Видите, где туман касается берега? Вот здесь он подходит ближе всего. Раньше он был дальше, метрах в десяти от кромки воды. Теперь подползает вплотную. Каждую ночь становится всё ближе.

— На сколько ближе? — спросил Ивар.

— По-разному. Иногда на полметра, иногда на два. Но он никогда не отступает дальше, чем был накануне. Только наступает.

Ивар записал что-то в планшете.

— Это не цикл, — сказал он. — Это расширение.

— Я тоже так думаю, — кивнул Артур.

Они обошли восточный мыс. Здесь берег расширялся, образуя небольшую бухту, укрытую от ветра. У кромки воды лежали замшелые валуны — те самые, что Артур упоминал на карте.

— Здесь я видел их в первый раз, — сказал он. — Четыре ночи назад. Сидел у костра и услышал плеск. Думал, рыба. Поднял голову — они стояли на мелководье. Человек пять или шесть. Просто стояли и смотрели в мою сторону. Я замер. Через минуту они ушли обратно. Без звука, просто повернулись и растворились в тумане.

— Вы не пробовали их снять? — спросил Денис.

— Пробовал, но камера не включилась, телефон тоже. Я потом проверил — всё было заряжено. Но в тот момент они просто не реагировали на кнопки. Как будто туман не хотел, чтобы я это снимал.

Денис переглянулся с Иваром. Тот кивнул.

— Что было потом? — спросила Ульяна.

— Потом они ушли. А на следующую ночь пришли снова и на следующую. — Артур помолчал. — Они не агрессивные. Просто стоят и смотрят. Как будто чего-то ждут.

— Или кого-то, — тихо сказала Ульяна.

Артур повёл их дальше вдоль берега, туда, где песок сменялся глиной, а сосны подходили почти к самой воде. Он шёл, не глядя под ноги, и Глеб заметил, что он огибает невидимые препятствия по памяти, как человек, проходивший этот маршрут десятки раз.

— Вот здесь, — сказал он, останавливаясь у старой коряги, наполовину занесённой песком, — я нашёл следы. Босые, женские или детские. Они шли от воды и обрывались сразу за корягой, словно человек шёл, шёл и вдруг исчез.

— Может, и исчез, — сказал Денис, опуская камеру. — Как в «Белом Мысе». Там тоже тела пропадали.

— Здесь по-другому, — ответил Артур. — Тела не пропадают, они остаются в озере. А эти следы... — Он не закончил.

Они миновали глинистый участок и вышли к небольшому заливу, где вода была темнее, а туман подходил ближе к берегу. Артур остановился и кивнул на воду.

— Здесь я слышал голоса в первый раз. Не в ту ночь, когда увидел утопленников, а раньше, на второй или третий день. Я сидел на коряге, было тихо, и вдруг — женский голос. Она что-то говорила, но слов было не разобрать. Как будто доносилось из-под воды.

— Может, эхо, — предположил Ивар.

— Здесь нет эха. Я проверял. Кричишь — тишина. Даже птицы не откликаются.

Ульяна посмотрела на воду и ничего не сказала. Глеб знал, о чём она думает: её мать пропала где-то здесь, и голос мог быть её. Или это туман играл с людьми, как играл с Кристианом двести лет назад.

Артур повёл их дальше, к восточному мысу. Здесь берег сужался, и туман стоял особенно плотно, почти касаясь земли. Артур остановился у границы, где песок становился влажным от близкой воды, и показал на место, где белёсая мгла почти смыкалась с берегом.

— Однажды я видел, как туман на секунду принял форму человека, он стоял на берегу, прямо здесь. Я моргнул и он исчез. Может, показалось. Но я запомнил.

— Что он делал? — спросила Евгения.

— Стоял. Смотрел в мою сторону. Словно ждал.

— Чего?

— Не знаю. Может, приглашения.

Они пошли обратно. Солнце стояло высоко, но у озера света было мало: туман поглощал лучи, и от этого день казался сумеречным. Ульяна шла и время от времени поглядывала на воду. Глеб заметил, что она что-то прокручивает в голове, но не спрашивал, сам пытался сло-

жить разрозненные факты в единую картину. Следы, голоса, фигура в тумане, пульс, холод, запах лежалой шерсти. Всё это было похоже на Кристиана и одновременно отличалось от него, словно аномалия подстраивалась под каждого, кто к ней приближался.

Они обогнули бухту, и Артур остановился у старой сосны с расщеплённой молнией вер-хушкой.

— Вот здесь я его коснулся, — сказал он.

— Тумана? — уточнила Евгения.

— Да, это было на четвёртый день. Я просто стоял и смотрел, а потом вытянул руку. Не знаю зачем. Может, хотел понять, настоящий ли он. — Артур стянул перчатку с левой руки и показал ладонь. Кожа была сухой и покрасневшей, как после химического ожога, но молодой. — Он обжёт холодом, как будто руку опустили в жидкий азот. Я отдернулся, но пальцы уже горели. Потом боль прошла, а краснота осталась. Уже неделю не сходит.

Евгения взяла его ладонь и осмотрела.

— Похоже на холодовой ожог, — сказала она. — Но кожа не омертвела. Значит, контакт был коротким.

— Кристиан коснулся тумана, и его рука состарилась сразу, — негромко сказала Ульяна.

— Я читал, — ответил Артур. — Соколов скинул мне часть дневника. Я не знаю, почему у меня по-другому. Может, туман стал слабее. Может, я просто не зашёл далеко. — Он натянул перчатку. — Проверять второй раз я не хочу.

Артур повёл их к поляне, где остались машины. Глеб заметил, что туман над озером словно стал плотнее, или это свет изменился и теперь он казался гуще. Артур перехватил его взгляд.

— Скоро начнёт подниматься, — сказал он. — К ночи он всегда подходит ближе. Иногда мне кажется, что он дышит. Не в переносном смысле, у него есть ритм, как пульс.

— Кристиан писал то же самое, — отозвалась Ульяна.

— Знаю, я поэтому и ждал вас. — Артур посмотрел на озеро. — Я пытался наблюдать за туманом, но вы понимаете в этом больше. Может, вместе мы поймём, что с этим делать.

Он не успел договорить. Ульяна вдруг резко дернулась вперёд и, вскрикнув, схватилась за плечо, словно её грубо рванули назад. Артём среагировал первым, метнувшись к ней. На её куртке, на том самом месте, где только что была её ладонь, расплывалось мокрое пятно - пять чётких, длинных следов влаги, как отпечаток мужской ладони, медленно проступали на ткани, сползая к лопатке.

— Что это?! — выдохнул Денис ошарашенно.

— Кто это сделал?! — рявкнул Ивар, в два шага оказавшись рядом с Ульяной и заслоняя её собой, хотя заслонять было некого. Он вглядывался в туман, сжав кулаки. Евгения, уже доставшая фонарик, шагнула к Ульяне.

— Стой, не трогай! — приказала она, направив луч на пятно. — Это не вода. Это... что-то ещё.

Пятно медленно стекло вниз, к поясу, и исчезло, впитавшись в ткань. Ульяна тяжело дышала, прижав руку к плечу.

— Я в порядке, — сказала она глухо, хотя было видно, что её трясёт.

— Что это было? — спросил Артур. Голос его прозвучал хрипло. Он единственный не двинулся с места и теперь смотрел на Ульяну с выражением, в котором читалось не удивление, а мрачное подтверждение его худших ожиданий.

— Понятия не имею, — выдохнул Глеб и осёкся. Он хотел набрать текст, но что-то внутри сработало быстрее, и голос вырвался сам - хриплый, сдавленный, почти неузнаваемый. Три слова, которые никто из команды не слышал уже много месяцев. Он не знал, прозвучало ли это внятно или смялось в неразборчивый шум. Ему было всё равно. Он шагнул к поляне первым. — Уходим. Немедленно.

Они двинулись прочь от озера, не оборачиваясь. Туман за спиной стоял неподвижно, но никто не сомневался, что он смотрит им вслед.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.